

УДК 111:62

doi:10.35853/vestnik.gu.2023.1(40).13

Вероятные альтернативные философские основания, определяющие понимание сущности техники

Алексей Адольфович Черняков

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия, nalex_68@ngs.ru

Аннотация. В статье делается попытка обозначить важность определения философских оснований (идей, принципов) и подходов, которые предположительно способствуют формированию той или иной степени объективного понимания специфики аутентичной природы техники, а также предлагается вариант установления подобных оснований. Для достижения этой цели ставится ряд задач, решение которых позволяет сделать гипотетический вывод о формировании двух противоположных философских оснований (и подходов), позволивших еще со времен Античности начать формирование альтернативных методологий, при использовании которых и создается то или иное понимание природы свойств, на основании которых, предположительно, существует техника. Коротко характеризуется каждый из этих подходов, которые были в общих чертах выражены в произведениях древнегреческих философов эпохи классики – Платона и Аристотеля. Высказывается замечание о, вероятно, стихийном, частичном и упрощенном применении многими нынешними авторами в философской и технической литературе исследовательской логики (и ее результатов) обоих философов. Делается предположение о том, что пока отсутствует удовлетворительный анализ сильных и слабых сторон этих двух альтернатив – точек зрения Платона и Аристотеля – в обсуждении сущности техники, а также степени их возможного взаимодополнения.

Ключевые слова: природа техники, вектор изучения, степень изученности, методологическая проблема, источник техники, альтернативы, платонизм, аристотелизм

Для цитирования: Черняков А. А. Вероятные альтернативные философские основания, определяющие понимание сущности техники // Вестник Гуманитарного университета. – 2023. – № 1 (40). – С. 176–182. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.1(40).13.

Probable Alternative Philosophical Foundations Determining the Understanding of the Essence of Technology

Alexey A. Chernyakov

Siberian State University of Railway Transport, Novosibirsk, Russia, nalex_68@ngs.ru

Abstract. The article attempts to indicate the importance of defining philosophical foundations (ideas, principles) and approaches that presumably contribute to the formation of objective, to a certain degree, understanding of the specifics of the authentic nature of technology, and also suggests a variant of establishing such foundations. To achieve this goal, a number of tasks are set. As a result of solving the tasks set, a hypothetical conclusion is made about the formation of two opposite philosophical foundations (and approaches), which, since Antiquity, have allowed for shaping alternative methodologies, with the help of which one or another understanding of the nature of properties is created, on the basis of which, presumably, the technology exists. As a result, the author assumes that there are two variants of the desired holistic philosophical foundations that arose in ancient Greek philosophy of the IV century BC. E., characterizing one or an-

other initial approach in determining the essence of technology, based on its source: 'Platonic' and 'Aristotelian'. Each of these approaches which were expressed in general terms in the works of ancient Greek philosophers of the classical era – Plato and Aristotle is briefly characterized. The author also indicates the probably spontaneous, partial and simplistic application of the research logic (and its results) of both philosophers by many present-day scholars in the philosophical and technical literature. He assumes that there is still no satisfactory analysis of the strengths and weaknesses of these two alternatives – the points of view of Plato and Aristotle in discussing the essence of technology, as well as the degree of their possible complementarity.

Keywords: nature of technology, vector of study, degree of study, methodological problem, source of technology, alternatives, Platonism, Aristotelianism

Несколько слов о вероятном существующем положении изучения природы техники. Можно предположить, что пока общий вектор изучения сущности техники – рассмотрение ее, главным образом, как явления (отдельного или совокупности различных ее проявлений – видов технических объектов разной степени сложности), но не как сущности: того, что она представляет собой как таковая. Возможно, поэтому мы до сих пор не можем более или менее обоснованно, и поэтому уверенно, предположить, как дальше будет изменяться техника, так как не знаем удовлетворительно ее «основ», или сути (что она собой представляет: ее источник, границы, характерные черты и т. д.), а тем более законов существования. Конечно, было бы неверно и несправедливо сказать, что не существует никаких разработок сущностных элементов техники – ее отличительных особенностей как от природных, так и от культурных объектов. Исследовательского материала по этому вопросу немало. Над тем, что собой представляет техника, как таковая, работали (и работают) очень давно: сначала философы в классический период Античности (Платон, Аристотель), потом инженеры в I в. до н. э. (Витрувий), а затем, более целенаправленно, – и ученые-специалисты, прежде всего инженеры XVIII в. (Я. Лейпольд, Г. Монж, И. Бекманн) и их более современные последователи [Черняков 2005, с. 32–43, 67–69]. Глубокие работы древнегреческих философов V–IV вв. до н. э. стали во многом определяющим знанием для формирования дальнейшего понимания природы техники [Шадевальд 1989]. Судя по публикациям самого разного исторического времени, пока мысль о большом потенциале античной философии техники не получила своей справедливой оценки. Вероятно, до сих пор еще не достигнут достаточный уровень подобных исследований, который позволил бы значительно изменить наши представления о природе техники: еще существует высокая неопределенность в понимании того, что она собой представляет. Возможно, главная трудность заключается в том, что, несмотря на большой массив накопившихся знаний о технике, он еще недостаточно отрефлексирован, поэтому сложно бывает оценить достоинства и недостатки того или иного единичного знания о технике в прошлом и настоящем, а в итоге – потенциал той или иной ее концепции [Черняков 2010, с. 121]. Добавим, что, в частности, чрезвычайно мало исследований и знаний устойчивых специфических сущностных свойств и связей, которыми определяется работа техники. Вероятно, поэтому и существуют затруднения в управлении техникой, которая уже есть, а также по поводу осуществления предсказаний ее работы в будущем.

Можно предположить, что в связи с подобным недостаточным уровнем понимания техники актуальным становится не только итоговый онтологический вопрос всех исследований техники – что представляет собой ее сущность? – но и гносеологический вопрос об изучении самого характера природы техники: как осуществляются эти исследования (в чем суть их подходов и логики)? Вероятно, этот вопрос – «как?» – представляется первостепенным, так как, в конечном счете, определяет суть той или иной субъективной формулировки сущностных характеристик техники. То есть важно хотя бы задуматься о том, какие методологии философии техники существуют и какова приемлемая методология исследования сущности техники, итогом применения которой, предположительно, может явиться установление ее фундаментальных свойств и

принципов. Таким образом, предварительно можно сказать: то, чем техника является и как действует, существуя объективно, с некоторой вероятностью, приблизительно показывает онтология техники как учение о ее бытии, которая, в свою очередь, во многом определяется методологией ее познания – тем, как техника исследуется. Здесь следует пояснить: на понимание техники и построение ее онтологии влияет не только то, как познается техника субъектом, но и то, чем она является как объект, в известном смысле противостоящий человеку. Никто не говорит, что онтология техники заменяет бытие техники, а саму онтологию техники полностью определяет, тем самым заменяя, ее методология. Но, вероятно, является желательным, чтобы онтология техники была адекватна самой технике как объекту, что, возможно, зависит в немалой степени от соответствующей методологии. В идеале онтологии техники нужна такая методология, которая позволит ей настолько, насколько это возможно в тот или иной исторический период, максимально точно выразить объективную сущность техники.

Говоря же более конкретно, вероятно, пока еще существующее несоответствие наших средств изучения технического феномена самому этому феномену, как противоречие, порождает и до сих пор сохраняет гносеологическую проблему: возможно, мы не вполне понимаем, как и какими средствами нам понять технику. В свою очередь, эта гносеологическая проблема создает условия для возникновения и существования онтологической проблемы техники: наши знания о технике во многом еще недостаточно соответствуют ее действительным свойствам (принципам, законам). Таким образом, гносеологическая проблема становится первостепенной: наше понимание техники запаздывает по сравнению с ее созданием, поэтому сегодня еще труднее, чем раньше, предсказывать поведение технических объектов, превратившихся в сложные системы. А в теоретическом плане – строить удовлетворительную онтологию технических объектов самой разной степени сложности. Уточним: предположительно, в основе гносеологии находится методология, которая в нашем случае приобретает особый статус, так как в узком смысле представляет собой средства, способствующие формулированию вопросов и поиску ответов, связанных с познанием и бытием технического феномена. В философии непрерывно происходит поиск тех или иных средств познания. В этом смысле попытка обнаружить адекватную методологию несколько не умаляет ценности уже существующих методологий (понятий, подходов, принципов и методов) понимания техники, которые имеют давнюю историю, как стихийную, так и более упорядоченную (начиная с конца XIX в.) [Черняков 2005]. Продолжение подобного поиска лишь акцентирует внимание на до сих пор существующем недостаточном изучении гносеологического потенциала уже существующих методологий. Вероятно, поэтому было бы небезынтересно и полезно попытаться активизировать эту рефлексию – анализ существующих познавательных возможностей при исследовании природы техники, от которых зависит наше сегодняшнее понимание ее сущности. Для этого, прежде всего, следует высказать самые общие предположения о существующих различных методологических векторах исследования технического феномена, которые возникли и продолжают существовать в той или иной философской традиции.

Возможно, таких традиционных методологических векторов два: исторически сложившиеся, которые до сих пор, сохраняя свою познавательную полезность, формируют наши представления о сущности техники. Подобное предположение опирается на высказанные идеи о природе техники, в которых она представлена в первом приближении достаточно определенно и понятно. Вероятно, это поможет определиться с современной логикой понимания техники, опираясь именно на эти исторические традиции философии техники. Речь идет о работах древнегреческих философов V–IV вв. до н. э. Платона и Аристотеля, в которых, возможно, наиболее ясно были высказаны основополагающие идеи о сущности техники – ее специфических характеристиках по отношению к природе и человеку [Черняков 2005, с. 32–37]. Предположительно, свои рассуждения о сущности техники они строили именно на основе анализа ее источника, выводя из него все главные ее свойства и связи, как они их понимали тогда. Быть мо-

жет, неявно, но рассуждение строилось на сопоставлении, главным образом, природы и техники, с одной стороны, и человека и техники – с другой. Источник техники, возможно, понимался тогда предельно широко: как то, что определяет ее природу, – свойства, принципы и законы. В «круге» рассуждений Платона и Аристотеля всегда фигурировали главные компоненты техники – природа и человек, хотя и с разными акцентами, масштабом и пропорциями. Вероятно, оба философа интуитивно определили действительно существующие главные свойства техники, хотя и с альтернативных позиций. При этом они вряд ли рефлексировали на этот счет: такова техника или нет в действительности. В их эпоху логический анализ только формировался. В этой связи позиция Аристотеля как логика, возможно, более последовательна, чем у Платона. Но также возможно, что оба философа могут взаимодополнять друг друга во взглядах на такой сложный феномен, как техника. Таким образом, взгляды на технику обоих философов представляют интерес, так как, вероятно, сохраняют свой потенциал, не столько с точки зрения истории философии техники, хотя это до сих пор интересно, сколько с точки зрения помощи в понимании и возможном решении проблемы эволюции современной философии техники: в каком состоянии она находится сейчас, по какому направлению развивается и как будет развиваться в дальнейшем?

На основании высказанных выше предварительных соображений можно сделать предположение: любое исследование техники обладает той или иной направленностью и логикой, которые, в свое время и каждый по-своему, определили Платон и Аристотель, впервые представившие технику как особое и целостное явление, отграничив ее от многих остальных явлений и исходя из понимания источника ее происхождения, который, по их мнению, и определяет базовые характеристики техники – из природы или человека. Предположение требует пояснения: с одной стороны, это утверждение имеет гносеологическую характеристику «как познавать» (т. е. вектор и последовательность рассуждений), с другой стороны – онтологическую характеристику «что познавать» (источник явления и само явление). То есть, как бы мы ни приступали к познанию техники, мы всегда будем рассуждать либо с объективистских позиций Платона (техника обладает некоторой самостоятельностью, т. е. субстанциальностью, и поэтому представляет, прежде всего, природное явление), либо с субъективистских позиций Аристотеля (техника не обладает самостоятельностью, она несубстанциальна, представляя, прежде всего, явление, созданное человеком). Не стоит забывать и о вероятной правомерности дуалистической идеи о взаимодополняемости обеих концепций: утверждении о сложности источника техники, его объективно-субъективном характере, при котором природа и человек как начала равны. Но это, скорее, современный взгляд. Сами Платон и Аристотель, будучи диалектиками, никогда не отрицали влияния человека (у Платона), и природы (у Аристотеля) на возникновение и развитие техники, но при этом отдавали предпочтение противоположным началам, т. е. были монистами: для Платона это природа, а для Аристотеля – человек. Высказанное предположение и его пояснения требуют обоснования, для чего следует обратиться к краткому анализу философии техники Платона и Аристотеля.

Прежде всего заметим, что представления о технике, или *techne*, существовали задолго до Платона и Аристотеля. В поэзии Гомера, Эсхила и Софокла впервые встречается слово «*techne*», или «искусство», под которым подразумевалось не только мастерство, умение. Речь идет, конечно, не о понятии «техника», которого не было и у Сократа, но лишь о представлении о ней. Если проанализировать тексты великих поэтов, то техника для них представляла процесс и результат успешного изготовления чего-либо, осуществляемый природой и человеком и направленный как на добро, так и на зло [Гомер 1978, с. 353–365; Гомер 1981, с. 95; Эсхил 1978, с. 139–156; Софокл 1988, с. 185, 188]. То есть техника – любая деятельность по созданию материальных и идеальных вещей без деления на свои виды: она синкретична, представляя собой труд, творчество, умение, науку, ремесло, художественность и т. д. Греки с самого начала точно выразили деятельную суть техники, не совсем так, как мы привыкли ее понимать –

«инструментально». Вероятно, более точную характеристику *techne* дает не привычное нам понимание ее как искусства в виде мастерства, умения (обратим внимание на корень *ticto* – «рождаю», он является частью слова *techne*); тогда привычное нам понимание техники меняется: сущность *techne* гораздо глубже понимания его в качестве средства и умения это средство успешно применить, оно – «порождение», т. е. процесс создания самых разных вещей [Лосев 2000, с. 243]. Наше привычное понимание *techne* как мастерства, умения, т. е. владения способом делать что-то хорошо, – это инструментальный подход. И это понимание по-своему приемлемо и отчасти отражает суть техники, но недостаточно глубоко. В каком бы состоянии (пассивном или активном) ни была любая техника, она либо будет создавать вещи, либо уже их создает, т. е. она есть в основе своей процесс, или деятельность. Повторим, конечно, что при этом важно уметь применять ее наилучшим образом, т. е. обладать искусством – мастерством, умением.

Древние греки были абсолютными объективистами в своем мировоззрении: они ставили космос на первое место и поэтому во всем исходили, прежде всего, «из природы» – ее состояния и процессов [Лосев 2000, с. 42]. Именно поэтому у Платона в «Законах» присутствует техника природы: в природе создаются вещи на уровне неживого и живого, причем наилучшим образом, и оттого совершенные [Платон 1994, с. 346]. В диалоге «Кратил», у Платона, техника природы является образцом для техники человека, т. е. он использует идею подражания. На этом основании техника природы определяет характер деятельности человека, устанавливая ее границы: можно действовать только в условиях, которые предоставляет природа, иначе ничего создать нельзя [Платон 1990, с. 617]. То есть природа формирует законы вещи и то, как ее можно изменять. Все это мы находим в диалоге «Евтидем». Здесь же Платон делает важное замечание: любое техническое действие (искусство) осуществляется по правилам, иначе такое действие не является техническим, становясь беспорядочным, неправильным, безыскусным [Платон 1990, с. 169–170]. Возможность техники человека Платон связывал со знанием: без знания причины природной вещи ее нельзя изменить (преобразовать), и тогда все действия становятся случайными. Так, в диалоге «Горгий» Платон обозначил условие возникновения техники как мастерства, а не существования ее, в лучшем случае, в виде сноровки, а в худшем – в виде случайного действия [Платон 1990, с. 498]. Платон, по сути, повторил мысль своего учителя Сократа, считавшего знание условием возникновения и развития техники человека. Так постепенно стали проступать контуры техники как особого действия, осуществляемого только в рамках соблюдения законов природы, определенных правил и применения научного знания. Таким образом, впервые устанавливается, что не всякое действие является техническим. В диалоге «Политик» Платон продолжил эту мысль, утверждая, что научная деятельность не является технической деятельностью, так как ей не присуща утилитарность [Платон 1994, с. 4–7]. Пожалуй, это впервые со времен Сократа, когда синкретичное *techne*, куда включалась и наука, начинает приобретать свои истинные границы: как практическое искусство. Заметим, что Платон употреблял и слово «орудие» (*греч.* «органон»), т. е. говорил о технике в привычном для нас узком смысле: например, в диалоге «Кратил» он говорил о том, что природа «дает» человеку орудие и «образ» изделия, которое он должен создать [Платон 1990, с. 620–621]. Конечно, есть и другие диалоги Платона, в которых он формировал свою натуралистическую концепцию: например, диалог «Пир», в котором Платон считал гармонию и творчество свойствами *techne* [Платон 1993, с. 81–134]. Но сейчас речь идет лишь о попытке отметить основные моменты его понимания техники, а не сделать полный анализ его взглядов по этому предмету. Философия техники Платона, вероятно, остается во многом недооцененной.

В свою очередь, Аристотель, находясь все в той же объективистской парадигме древнегреческой философии, тем не менее существенно развил взгляды на технику. Он сохранил понимание *techne* (искусства) как деятельности, предложив его антропологическую трактовку. Аристотель в работе «Политика» признавал деятельность природы, считая ее внутренней, деятельность же человека – внешней [Аристотель 1983, с. 595].

То есть техника природы – изменение самой себя, а техника человека – изменение природы. Аристотеля больше интересовала техника человека. В «Метафизике» он считал, что природа – необходимый и первоначальный элемент техники: она является первопричиной действия (*causa materialis*) – материей, из которой создается все [Аристотель 1976, с. 146–148]. Здесь Аристотель объективист, но в отличие от Платона признающий самостоятельное существование природы и ее вещей, являющееся необходимым условием технического действия. Именно поэтому он даже больший последователь объективного познания мира и его преобразования, чем его учитель Платон. Говоря о природе, Аристотель в «Метафизике» признает целесообразность всех ее действий, в которых она стремится к совершенству [Аристотель 1976, с. 68–69]. Но свой анализ *techné* он построил не так, как Платон, исходя из природы, но по-своему – исходя из человека. В «Категориях» и в «Метафизике» есть пояснения такого источника техники. По Аристотелю, с одной стороны, техника – врожденное свойство человека, с другой – приобретенное им, но не от природы как подражание, а в процессе своего развития [Аристотель 1976, с. 239–240; Аристотель 1978, с. 73]. По сути, он в понимании техники отвергает теорию подражания, придерживаясь теории приобретения в процессе развития. Таким образом Аристотель в качестве приоритетного источника техники выделил человека. И дальше он конкретизирует, что представляет собой внешняя деятельность, о чем говорил в «Политике»: внешняя направленность техники человека на природу характеризует ее как практическую деятельность. Причем если Платон рассматривал технику как действительное искусство, то Аристотель добавил к этому ее состояние в возможности [Аристотель 1976, с. 237–238]. Об этом он писал в «Метафизике». Интересно, что если Платон отказывал технике в обладании знанием высокого порядка, то Аристотель предполагал ее более высокий уровень – почти научного характера: искусство выше опыта, так как знает причину вещей, но ниже науки, так как оно связано с единичным, с вещью, а наука – с общим [Аристотель 1976, с. 65–67]. Перенос Аристотелем главного акцента в технике с природы на человека позволяет сделать вывод: искусство (*techné*) – способность человека целенаправленно изменять мир и самого себя. Пояснение к этому можно найти в «Метафизике»: именно поэтому искусство человека не самостоятельно в отличие от искусства природы, оно зависит от человека, от его знаний и целей; развитие искусства в этом смысле зависит от развития человека [Аристотель 1976, с. 302]. В действительности же эта способность становится деятельностью, поэтому человек – существо принципиально деятельностное, или техническое. Только так человек может совершенствоваться. Это Аристотель отметил, например, в трактате «О небе» [Аристотель 1981, с. 327]. Разумеется, философия техники Аристотеля еще более масштабна и глубока, чем это было кратко представлено.

Можно заметить, что в подходах Аристотеля и Платона есть немало характеристик техники, не противоречащих их взглядам, которые кажутся противоположными. И, как уже говорилось, вероятно именно поэтому появляется мысль о возможном взаимодополнении двух концепций. Это теоретически интересно, но желательно, чтобы это привело, если это возможно, условно говоря, к синтетической модели техники, а не к эклектике на базе этих концепций.

Вероятно, стоит добавить к уже сказанному относительно полезности изучения подходов к пониманию техники, сделанных Платоном и Аристотелем: в современной философии техники возможно усиление субъективистской тенденции, суть ее – в отрыве от реальных источников техники и создании слишком абстрактных концепций, основа и единственный источник которых – деятельность человеческого разума. Философия техники, конечно, плод человеческого разума, но возникающий на реальных основаниях, о чем говорили Платон и Аристотель, которые были идеалистами. Но, самое главное, они были объективистами (особенно Аристотель), что и позволило им создать прочный фундамент для философии техники, к какому бы времени развития мы ее ни относили. Вероятно, это необходимо помнить сегодня при разработке самых разных вопросов техники в философии и инженерии.

Список источников

1. Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1976. – 550 с.
2. Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 2 / ред. З. Н. Микеладзе. – М. : Мысль, 1978. – 687 с.
3. Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 3 / ред. З. Н. Микеладзе. – М. : Мысль, 1981. – 613 с.
4. Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 4. / пер. и ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – 830 с.
5. Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. И. Гнедича. – М. : Худож. лит., 1978. – 534 с.
6. Гомер. Одиссея / пер. с древнегреч. В. А. Жуковского. – М. : Худож. лит., 1981. – 407 с.
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / вступ. ст. А. А. Тахо-Годи. – М. : Изд-во АСТ ; Харьков : Фолио, 2000. – 624 с.
8. Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 1 / пер. с древнегреч. В. С. Соловьева и др. – М. : Мысль, 1990. – 860 с.
9. Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 2 / пер. с древнегреч. С. А. Ананьина и др. – М. : Мысль, 1993. – 528 с.
10. Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 4 / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова и др. – М. : Мысль, 1994. – 830 с.
11. Софокл. Трагедии / пер. с древнегреч. С. Шервинского. – М. : Худож. лит., 1988. – 493 с.
12. Черняков А. А. Объективистский и холистский характер нового понимания техники // Вестник СГУПС. – Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2010. – С. 117–121.
13. Черняков А. А. Развитие понятия «техника» (историко-философский и методологический анализ). – Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2005. – 306 с.
14. Шадевальд В. Понятие «природа» и «техника» у греков // Философия техники в ФРГ : [сб. переводов] / пер. с нем. и англ. Ц. Г. Арзаканяна и др. – М. : Прогресс, 1989. – С. 90–103.
15. Эсхил. Трагедии / пер. с древнегреч. С. К. Апта. – М. : Искусство, 1978. – 368 с.

Информация об авторе

Алексей Адольфович Черняков, канд. филос. наук, доцент, Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск, Россия).

Information about the author

Alexey A. Chernyakov, Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Siberian State University of Railway Transport (Novosibirsk, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 25.08.2022.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 07.12.2022.